

СОДЕРЖАНИЕ

СТУПЕНЬ НУЛЕВАЯ. ИСПАНИЯ

Гадалка	9
---------------	---

СТУПЕНЬ ПЕРВАЯ. НЬЮ-ЙОРК

1. Снова в Кухне	15
2. Дом, немилый дом	23
3. Чуть не влип	28
4. Львы в клетках	38
5. Готовлюсь к провалу	47
6. Бей или беги	59
7. Мои приятели — голуби	70
8. Нетерпение — добродетель	78
9. Пойти ко дну или выплыть	85
10. Недостаточно грозный	93
11. Школа — это то, что ты из нее делаешь	104
12. Но ты удержался	111
13. Привык все брать на себя?	123
14. Ватикан слов	134
15. Дом, где можно писать	142
16. Не сбавляя оборотов	152
17. Лошади	161
18. Лорды Флэтбуша	171

19. Купи мне это кольцо!.....	181
20. Дикий Запад.....	188
21. Поездка.....	195

СТУПЕНЬ ВТОРАЯ. ЛОС-АНДЖЕЛЕС

22. Серьезно, не трать время.....	211
23. Свадьба и схватка.....	222
24. Как выжить в «Змеиной яме».....	234

СТУПЕНЬ ТРЕТЬЯ. РОККИ

25. Он мне не нравится.....	251
26. Студия не даст ни цента за не пойми кого.....	262
27. Всё или ничего, Слай.....	269
28. Моя сестра и то бьет сильнее.....	278
29. Она — само совершенство!.....	288
30. Газель и черепаха.....	295
31. Материнская любовь.....	300
32. Синяя шляпа.....	315
33. Ступени.....	324
34. Вырубай.....	331
35. Бой внутри боя.....	337
36. Эдриан, а где твоя шляпа?.....	345
37. Всем Рокки этого мира.....	359

СТУПЕНЬ ПОСЛЕДНЯЯ. ФИЛАДЕЛЬФИЯ

Эпилог.....	371
Благодарности.....	375

СТУПЕНЬ НУЛЕВАЯ

ИСПАНИЯ

ГАДАЛКА

На грунтовой дороге, сбегаящей к морю где-то в глубине Пиренеев, мне попалась вывеска. Гадалка. Всего 100 песет — и тебе предскажут будущее.

Шел 1969-й. За пару месяцев до этого я бросил Университет Майами, недобрав двух или трех зачетов до диплома, и теперь, как и многие мои ровесники, таскался по Европе с рюкзаком, пытаюсь «найти себя». Если во всей Испании кто и нуждался в предсказании судьбы, так это я.

Гадалку звали мадам Пилар. Жила она чуть дальше по дороге, в какой-то развалюхе. Длинные черные кудри выбиваются из-под платка. Типичная цыганка. Я сел напротив. Она завернула в носовой платок яйцо и раздавила его. Затем взяла мою ладонь и принялась по ней читать.

По-английски она говорила еле-еле, так что я улавливал суть как мог. Сказала, что у меня двойная линия жизни — я проживу две совершенно разные судьбы. Ткнула в какую-то точку на ладони: перелом случится годам к 25. (Мне тогда только-только стукнуло 23.) Показала три линии брака. Странно.

А потом пошли предсказания.

Она говорила с абсолютно непоколебимой уверенностью. Все, что мне удалось разобрать, невзирая на ее акцент, я записал в блокнот, едва выйдя за порог. Чтобы не забыть.

«Дух актера наблюдает за мной из царства мертвых. Черные волосы. Чувствительность. Он — моя защита».

«Женщина постарше, из тех, что на виду, втянет меня в театральную жизнь».

«Успех к 1976 году».

«Драма, никакого пения. Избегать комедий».

«Сейчас у меня ум 40-летнего, но в 40 я получу ум 22-летнего».

«Меня ждут нервное напряжение и сомнения в собственных решениях».

«Я должен всегда верить в свою правоту и в правильность своих поступков».

Кажется, мадам Пилар знала обо мне то, что уже было правдой... или вот-вот станет ею. Трудно не принимать такие пророчества всерьез, когда стоишь на распутье, — а я стоял именно там. И был в самом подходящем возрасте: мальчишкой уже не назовут, но и мужчиной себя считать рано — маловато страдал. Любой путь к «самопознанию» неизбежно упирается в эту бетонную стену. Тебя тянет «исследовать свои границы» и «расширять сознание», но при этом ты делаешь вид, будто тебе не придется рано или поздно столкнуться лоб в лоб с простым фактом: жизнь — это борьба, а мир порой чертовски жесток.

За мной этот грех тоже водился. Ничего я не искал. Я прогуливал жизнь, как уроки. И теперь мне предстояло решить: продолжать имитацию дальше или сделать первый шаг навстречу реальности.

Я метил в актеры. Два бессмысленных года я просидел на театральном отделении Университета Майами, пролетая мимо главных ролей и переплавляя эти отказы в творческий

запал: мы с приятелем Джоном клепали сырые спектакли в тусклом церковном подвале. Было весело, но все это вело в никуда. Как и моя нынешняя жизнь.

Надо было что-то менять.

На следующий день я покинул Пиренеи и ближе к сумеркам добрался до пляжа где-то на Коста-Брава*. Ни души, только у самой кромки воды рыбак соскребал мидии с обнажившихся камней. У меня оставалась жалкая горстка песет, и я отдал их старику за полдюжины моллюсков. Потащил свой нищенский ужин на вершину холма над пляжем. Нашел местечко поудобнее, привалился к рюкзаку, стянул ботинки. И, вскрывая щепкой раковину за раковиной, никак не мог отделаться от мысли: я ведь транжирю свой самый ценный актив — время. А время — самый властный, самый безжалостный хозяин жизни.

* Коста-Брава — скалистое побережье Средиземного моря на северо-востоке Каталонии, у границы с Францией. — *Здесь и далее прим. пер.*

Сидя высоко над Средиземным морем, под солнцем, уже ушедшим за Пиренеи, я предельно ясно понимал: пора завязывать с прежней жизнью и начинать строить новую — вокруг собственной мечты. Надо возвращаться в Америку. К этому верховному творцу и палачу человеческих сердец, в единственный и неповторимый Нью-Йорк.

Опускалась ночь. Я смотрел на почерневшее море и думал: *пора взростеть*. Пора отправляться в самое пекло, салага.

СТУПЕНЬ ПЕРВАЯ

НЬЮ-ЙОРК

СНОВА В КУХНЕ

Я вышел из автовокзала Порт-Оторити после 10 часов в самолете и двух в автобусе, и на меня обрушились волна жара и шквал шума, к чему я был совершенно не готов. Немыслимый гул голосов, скрежет чемоданов, которые волокут по линолеуму и бетону, грохот бесконечного потока машин

и повсеместное гудение клаксонов, перекрывающие музыку из автомагнитол, — все это сфокусировалось в моем восприятии, как солнечные лучи под лупой, и превратило летний нью-йоркский воздух в обжигающую волну адского пламени и людской суеты.

С возвращением домой, Слай.

Близился закат, ночевать мне было негде, и во всем этом городе-гиганте — миллионы душ! — я не знал ни единого человека. Нет, правда. Я понятия не имел, куда податься. Я шагнул на улицу, оказался в толпе незнакомцев и стал, задирая голову, высматривать таблички, чтобы сориентироваться. Сорок вторая улица и Восьмая авеню. Знакомо. Наша первая квартира — та, где я жил младенцем, — была на Сорок шестой улице, угол Девятой авеню, в самом сердце Адской кухни*. Рукой подать. И я решил пройти — туда, где все началось.

Я родился 6 июля 1946 года совершенно неожиданно для собственной матери. Детей она не хотела никогда и упорно отрицала, что беременна, пока в одну субботу под вечер прямо в автобусе у нее не начались схватки. Какой-то добрый пассажир помог ей выйти и довел до ближайшей больницы, которая оказалась благотворительным отделением для бедного рабочего люда.

Роды были тяжелыми.

Возникли осложнения.

Вылезать наружу я не желал, и кто-то из медперсонала пустил в ход щипцы, чтобы вытащить меня. А это всегда ри-

* Адская кухня — район на западе Мидтауна Манхэттена; с конца XIX века населен бедным рабочим людом и до недавнего времени славился уличными бандами и дешевой жильем.

скованно. Стоит неудачно наложить их младенцу на голову — и можно спровоцировать пожизненные увечья: переломы черепа, повреждения мозга, травмы лица и глаз, а в моем случае — паралич и необратимое уродство. Они случайно передавили нерв, левую половину лица мне частично парализовало, и это навсегда изменило мою жизнь. Так и остались у меня этот кривой рот и вечно невнятная речь. Тут уж ничего не поделаешь.

Жили мы в крохотной квартирке — из тех, что назывались «холодными». Название говорило само за себя — горячей воды там не было, и мытье посуды превращалось в проблему. Мыться, особенно зимой, было равносильно пытке, так что на водные процедуры отваживались редко. Мать грела воду на газовой плите, подмешивала к ледяной воде в ванне и обтирала меня губкой. Впрочем, по большей части эта маленькая ванна служила нам кухонным столом. Когда ее не использовали по прямому назначению, сверху просто клали кусок фанеры — красота же.

Аренда обходилась около \$15 в месяц. Центрального отопления не было. Плита — одна-единственная горелка с маленькой решеткой. А теперь — гвоздь программы. Отец заткнул дыру в плитусе куском металлической мочалки, чтобы отвадить крыс. Он считал, что сквозь такое препятствие им не прогрызться — в зубах застрянет. Но на всякий случай он согнул крышку от большой банки из-под томатов и тоже пристроил ее на дыру.

Что и говорить, жили мы небогато. Первой моей колыбелью был ящик от комода с подушкой внутри. Позже я перекочевал в какую-то конструкцию с запирающейся крышкой; звучит жестоко, но так было лучше для всех, потому что родился я гиперактивным, как маленький вулкан. Кому захочется, чтобы карапуз выползал из окна на пожарную лестницу? А я проделывал это не раз. Как-то раз я попросил у отца кошку. Он ответил, что, если мне так нужен питомец, я могу поиграть с мышатами, которые пролезали сквозь металлическую мочалку и прилипали к ленте от мух под раковиной, розовенькие и голые.

Мой старик был парикмахером, который мечтал петь, но до смерти боялся сцены, поэтому пошел в школу парикмахеров — на женских прическах можно было больше заработать. Там он и познакомился с моей матерью. Ей всегда хотелось быть звездой — актрисой, танцовщицей или кем-нибудь в этом духе. Слава была ее навязчивой идеей. А закончилось все тем, что она устроилась сигаретницей* в ночной клуб Diamond

* Сигаретница — девушка, разносившая по столикам ночных клубов и ресторанов сигареты, сигары и сладости с лотка на ремне через шею; характерная фигура американских увеселительных заведений 1930–1940-х годов.

Horseshoe Билли Роуза в подвале отеля Paramount на Западной Сорок шестой улице. Много лет спустя она хвасталась новым знакомым, что была в клубе «звездой программы». И ведь искренне в это верила. По правде сказать, она была мечтательницей. Может, от нее я и подцепил эту заразу?

В общем, они поженились, но возникло небольшое осложнение.

Моя мать забыла развестись с первым мужем, Томми. Это был дюжий дальнбойщик из Кинсбурга, штат Нью-Джерси. А еще у нее имелся четырехлетний сын, рождение которого она отрицала всю свою жизнь. Такое двоемужие отцу категорически не понравилось. Когда он узнал, то, если верить нашей родне, переломал кучу мебели и пробил кулаками не одну

стену. Так было положено жестокое начало их бешеному браку. Оба заводились с пол-оборота. Стычки между ними стали обычным делом. Стоял нескончаемый ор. Как многие мужчины, рожденные во время Великой депрессии и отслужившие в армии во Вторую мировую, отец был ходячей пороховой бочкой. Мать — особу весьма своеобразную, даже эксцентричную — это ничуть не пугало. Она задиралась, провоцировала, а если дело доходило до рукоприкладства, могла и сама прописать в ответ.

Холодная квартира превращалась в ее собственное маленькое нетопленое поле боя.

Ребенком я был трудным; мать с отцом тоже были непростыми родителями. На каком-то довольно раннем этапе, как я понимаю, вся эта возня с детьми стала мешать им искать свое место в суровом городе, и они спланировали меня за реку, в Куинс, в район Джексон-Хайтс — в пансион, который держала милая старушка-шведка по прозвищу Мама Хэнсон*. Шесть спален в пансионе всегда были заняты коммивояжерами, стюардессами или всякой разношерстной публикой — бродягами, скитальцами и перекати-поле, проезжавшими через город. Я был там единственным ребенком, но меня это не волновало. В пять часов подавали ужин, и я сидел с этими славными незнакомцами, слушая, как они рассуждают о «жизни» — или об ее отсутствии. А когда рядом не было Мама Хэнсон, ее дочери-подростки по очереди присматривали, чтобы я куда-нибудь не уковылял.

* Марта Хэнсон («Мама») — культовый персонаж американской поп-культуры 1940–1950-х годов, главная героиня романа, голливудского фильма и популярного телесериала «Я помню маму».

Наша крохотная квартира была, по сути, ручной гранатой с наполовину выдернутой чекой, так что нетрудно понять, почему родители хотели от меня избавиться — и ради собственного блага, и ради моего. В общей сложности я провел в пансионе три года. Родители навещали меня примерно раз в месяц. Привозили какую-нибудь игрушку или шоколадку. Оставались, может, на час. Меня все это не особо расстраивало — по крайней мере, так они рассказывали мне, когда я подрос.

Если оглянуться на то время, все в итоге сложилось как нельзя лучше.

И вот я стоял на углу Сорок шестой улицы и Девятой авеню, задрав голову и разглядывая пожарные лестницы, облепившие фасады домов. На этих пожарных лестницах у обитателей квартала и проходила вся жизнь. Тут сушили белье. Тут готовили, ели и спали — жутко знойными июльскими и августовскими ночами. Спасения от жары в нашем районе не было, разве что придвинешь стул и на пару минут засунешь покрасневшее лицо в кухонный ледник.

В конце 1940-х — начале 1950-х Адская кухня была районом суровым, нередко смертельно опасным, где хватало весьма жесткого народа и уличных банд. С малых лет ты усваивал: не суйся не в свое дело и никогда не ходи по тротуару — держись проезжей части, не то затащат в подворотню и мигом обчистят.

Вот только поискам ночлега эта прогулка по закоулкам памяти не помогала. Темнело, сказывалась разница во времени, и я двинул обратно в Порт-Оторити. Внутри вовсю молотили кондиционеры и, что куда важнее, стояли скамейки. Я отыскал свободную и занял ее.

Я понятия не имел, что это вообще за штука такая — «актерство», и даже не представлял, как в одиночку не сломаться в этом громадном городе. Да, подумал я, отталкиваться придется от самого дна. Пугало ли это меня? Пугало ли само положение, в котором я очутился?

Безусловно.

Одиночество — самое убийственное, порой фатальное испытание, которое человек должен научиться выносить.

Но это не имело значения. Я пошел ва-банк, назад дороги нет. Только вперед — если повезет. Я твердил себе: «С тобой все будет хорошо» — как мантру, в которую силой воли заставлял себя поверить. То ли она подействовала, то ли разница во времени в конце концов взяла свое, но в итоге мне удалось сомкнуть глаза и, обняв одной рукой рюкзак, где был надежно упрятан весь мой нехитрый скарб, урвать пару часов чуткого сна.

ДОМ, НЕМИЛЫЙ ДОМ

Очень прошу, никогда не спите на автовокзалах. Это просто ужас какой-то.

Порт-Оторити — пожалуй, самый большой автовокзал в Америке. И уж точно самый хаотичный. Люди и автобусы прибывают и отбывают всю ночь напролет, гул не смолкает ни на минуту. В темных углах поджидают грабители и карманники. Каждые пару часов копы делают обход, лупя дубинками по спинкам скамеек. «Не разлеживаемся, приятель». Пару раз было: сплю себе мертвым сном — и вдруг кто-нибудь из них охаживает меня по подошвам ботинок, отчего по всему телу проходит электрический разряд. Такой, что прошибает прямо до задницы.

С рассвета по огромному терминалу во все стороны неслись людские стада. Это давило на психику. И дело было даже не столько в шуме, хотя грохотало будь здоров, сколько в том, что всем им было куда идти. Они знали, куда держат путь. Я — нет. Я вообще с трудом понимал, где нахожусь.

В то первое утро в городе я, глядя на газетный лоток, заметил заголовок: «Усталые рок-фанаты начинают исход». Они разъезжались с какого-то Вудстока. А-а-а... Это вроде как музыкальный фестиваль, догадался я. На дворе было 18 августа 1969 года.

Когда я говорю, что понятия не имел, что творится в Америке, то имею в виду полную, абсолютную растерянность, даже дезориентацию. Из последних пяти лет три я провел в Европе. Два года — в Американском колледже Швейцарии, минутах в 90 от Женевы. Название громкое, но на деле это был старый, переделанный в школу санаторий, который переживал сложные финансовые времена. Когда-то сюда ехали, чтобы вылечиться от туберкулеза и обмануть смерть; теперь — чтобы получить хоть какой-то диплом, поскольку больше нигде не светило... но к этому я еще вернусь.

За душой у меня было \$80. Я решил поискать жилье в даунтауне, в Бауэри. Это была самая гиблая часть города. Если где и найдется местечко мне по карману, рассудил я, то только там. Весь первый день я таскался из ночлежки в ночлежку, но ничего сколько-нибудь сносного не нашел. Почти везде либо было забито под завязку, либо кишело крысами. Все, кого я там видел, казалось, окончательно опустили руки и просто ждали, когда старина Время сотрет их с лица земли. Мне и без того приходилось отбиваться от собственных демонов; не хватало еще и каждую ночь засыпать с такой картинкой в голове. Уж лучше спать рядом с мусорными баками в грязнящем переулке за пресловутым Terminal Bar через дорогу от Порт-Оторити, чем дышать всем этим, — что я и делал две ночи подряд.

Даже хорошо, что с даунтауном у меня не выгорело. Мне нужно было находиться в гуще событий, там, где располагались театры и телестудии. А располагались они ближе к центру Манхэттена, в районе Сороковых и Пятидесятых улиц, по обе стороны Бродвея. Пришлось бы ежедневно убивать кучу времени на дорогу вверх, и это лишало затею всякого смысла.

Каким-то чудом на следующий день я нашел жилье на Ист-Сайде, на Пятьдесят шестой улице между Первой и Второй авеню; что характерно, на самой окраине этой гущи событий. Называлось оно отель Sutton. Огромная, запущенная старая развалина, набитая порочными и заблудшими душами, которые мочились в лифте, испражнялись в коридорах, кололись и занимались сексом на лестничных клетках. Входишь в здание через заляпанную стеклянную вертушку и попадаешь в вестибюль с цементным полом и потертой ковровой дорожкой, ведущей к стойке регистрации, которая представляла собой всего-навсего прилавок, обнесенный решеткой, где сидел управляющий с запавшими глазами и наблюдал за перемещениями своих сломленных постояльцев.

Управляющий был здоровенным парнем с пушкой в столе и вечной сигарой во рту. Настоящий привратник этого крошечного филиала ада. Именно ему вы должны были приносить плату за комнату — \$21,80 в неделю. Если вам приходила почта — забирать у него. Если вы хотели позвонить, то давали ему 25 центов: проще некуда.

Моя комната располагалась на третьем этаже, и это было идеально. Мне почти не приходилось пользоваться лифтом, а время пребывания в этих замызганных общественных зонах можно было свести к минимуму, выбираясь из здания по пожарной лестнице прямо из окна. Бродяги-наркоманы там тоже попадались, но в гораздо меньшем количестве, к тому же я был на высоте (в прямом смысле), так что с этим можно было жить.

Сама комната была тесной — два с половиной метра в длину и чуть меньше двух с половиной в ширину. Настолько узкая, что, сидя на кровати, я мог одновременно закрыть дверь

и почти открыть окно. По площади она недотягивала до минимального размера тюремной камеры, рекомендованного сегодня Федеральным управлением тюрем. Самым ужасным было то, что туалет и душ в конце коридора приходилось делить с десятком других случайных жильцов.

Тяжко. Но для меня — нирвана. Наконец-то свой угол. Своя база.

Первым делом я распаковал вещи, на что ушло секунд десять. Потом постирал одежду. Я упоминаю об этом только потому, что у меня в смысле гигиены был свой метод. Я залезал в душ прямо в одежде и, если мне везло наткнуться на кусок мыла, к которому не прилипли чьи-то волосы не пойми откуда, то намыливал им рубашку, штаны, белье, носки... и заодно себя самого.

Вы, наверное, спросите: а почему бы не сходить в прачечную или не принять нормальный душ, а не стирать одежду на себе? Разве так не проще? Да не особо. Я и так стою в душе, моюсь, так зачем же снимать одежду? Это, черт возьми, самый дешевый, быстрый и простой способ добиться результата — куда проще, чем тащиться в прачечную и торчать там час, карауля, чтобы никто не свистнул твои шмотки из сушилки.

Позади была долгая, зверски жаркая неделя на улице. Я приоткрыл окно, чтобы создать хоть какой-то сквознячок, и растянулся на тонком продавленном матрасе. Наконец-то у меня впервые появилась возможность толком оглядеться. Кондиционера, само собой, не было. Древняя чугунная батарея цеплялась за стену из последних сил. Половина обоев давно отвалилась, а слои краски, копившиеся лет 40 на дверных косяках и на потолке, ссохлись, потрескались и пошли пузырями.

И тут на маленьком столике в углу я заметил потрепанный, замусоленный экземпляр «Желтых страниц».

Странное зрелище. В этих комнатах не было телефонов. А даже если бы и были — куда звонить здешним обитателям? И все же это была роскошная находка. В детстве я видел достаточно фильмов, а в Майами нахватался знаний о шоу-бизнесе, чтобы понимать: если хочешь работать в этом городе, перво-наперво надо обзавестись агентом. «Желтые страницы» — это список имен и адресов ровно тех людей, с которыми мне нужно было встретиться. Какое-никакое направление... хотя и непонятно куда.

Я схватил толстенный том и принялся его листать. Когда я дошел до буквы «Т» и перевернул страницу со словом Talent («Таланты»), нью-йоркский мир шоу-бизнеса распахнулся передо мной. В разделе агентов по поиску талантов и менеджеров была, наверное, целая сотня имен. Я достал блокнот и выписал первые пять. Вот моя цель. Каждый день я буду обходить по три-четыре агента или менеджера. Имен больше сотни, так что работы мне хватит как минимум на ближайшие три-четыре недели.

Начну завтра, подумал я, первым же делом. Как только высохнет одежда.

ЧУТЬ НЕ ВЛИП

Я смотрел на закрытую дверь.

Первые два агента, к которым я сунулся, меня просто отшили. Дальше секретарш я даже не пробился. Эти тертые профи ясно дали понять: чтобы хотя бы просунуть ногу в дверь, нужен минимальный набор — фотография и резюме. У меня не было ни того ни другого.

Резюме? Какое еще резюме? Я понятия не имел, что это такое. Да и что бы я там написал? «Опыта работы ноль»? «Похвастаться нечем»?

Можно было бы, наверное, припомнить ту крохотную роль в «Процессе» Кафки, которую я получил в театре Ring, когда учился в Университете Майами. Или мою самую первую роль в Американском колледже Швейцарии. Я играл Биффа в «Смерти коммивояжера». Роль небольшая, пьеса серьезная. Вот только выступали мы перед сотней зрителей от силы, и половина из них не понимали по-английски... Словом, вряд ли все это могло сойти за настоящий опыт работы.

По счастью, прямо за углом нашлась аптека с одной из тех тесных фотокабинок: бросаешь полтинник — и автомат выплевывает аккуратную полоску снимков. Четыре штуки, четыре разные позы. На первом я смотрел прямо в объектив.

Потом влево, потом вправо. Для последнего кадра я подался вперед и сделал угрожающий вид. Вблизи объектив искажил мой и без того немаленький нос, так что я стал похож на итальянского муравьеда.

Через секунду полоска выпала в лоток, и я решил: ну вот, я молодец. На деле же, если не считать кадра с «муравьедом», все выглядело жутковато и, как я очень скоро выяснил, гроша не стоило.

Я страшно стеснялся своего кривого рта. Стоило мне улыбнуться, как казалось, будто я скажусь, так что улыбаться на снимках я наотрез отказывался. Зрелище так себе.

В третьем за день агентстве все вышло именно так, как предупреждали меня в предыдущих двух.

— Фотографии и резюме у вас есть? — спросила меня секретарша.

— Резюме как раз печатают, — сказал я, — но вот свежие фотографии. — И я протянул ей жуткую полоску так, будто

Лучший из четырех кадров

это был подарок, о котором она мечтала всю жизнь. — Если какая-то понравится, можете ее вырезать, — сказал я ей.

— Только профессиональные снимки, пожалуйста, — сказала секретарша, придвигая полоску обратно.

Через минуту я уже стоял на улице. Боже, ну как можно быть таким наивным?

Последнее имя в моем списке на тот день было странным — приводить его тут не стану, вдруг у этого человека еще живы родственники. Его контора находилась на Вест-Сайде, в доме без лифта: перекошенный лестничный пролет, гвозди торчат сквозь драную ковровую дорожку, которая резко обрывалась на втором этаже. Дальше шли голые деревянные ступени с глубокими желобами, протертыми за долгие годы ступнями начинающих актеров, топавших по ним в погоне за мечтой.

— Входите, — донеслось из-за двери, когда я постучал. Надо же, какой густой немецкий акцент.

Я шагнул в темный кабинет. Секретарши не наблюдалось.

Сам агент выглядел весьма чудно. Голова лысая, гладкая, крохотные очки на самом кончике носа. Стол завален горой замусоленных сценариев.

— Вы кто? — спросил он.

— Майк Сталлоне.

Майк Сталлоне? Почему Майк?

* * *

При рождении я получил имя Тайрон Гарденцио Сталлоне. Мать назвала меня в честь своего любимого актера, Тайрона

Пауэра. Когда отец об этом узнал, он просто слетел с катушек. Заявил «ни за что» и переправил имя в свидетельстве о рождении на Сильвестр. Сильвестр — это американизированная форма имени моего деда по отцовской линии, Сильвестро; в итальянских семьях первенца по традиции называют в честь деда.

Я рад, что меня избавили от имени Тайрон. Но приплюсуйте мои тяжелые веки, кривой рот и невнятную речь к тому печальному факту, что теперь меня звали в точности как знаменитого мультяшного кота, — и получите очень тяжелые школьные годы. Стычкам с другими детьми не было числа. Тем более что школы я менял одну за другой и вечно был «новеньким». В очередной школе учитель представлял меня классу — что-нибудь в духе: «Сегодня у нас новый ученик, его зовут Сильвестр». И тут начиналось. «Котик Сильвестр!» — кричали дети, передразнивая фирменную шепелявость персонажа мультсериала Looney Tunes. Потом кто-нибудь подхватывал коронную фразочку инфантильного кенара Твити: «Кажется, я видел котика!» А уж когда класс слышал мою собственную смазанную речь, веселью не было конца. «Котик Сильвестр!» «Как там Твити?» «Ты его уже съел?!»

Обычно на такие вопросы я отвечал кулаками — и перепалка перерастала в потасовку. Потом меня оставляли после уроков. Потом отстраняли от занятий, а в результате и вовсе вышвыривали из школы.

Сменив так несколько школ, я рассудил, что проще обойти этот источник конфликтов стороной и взять нормальное, безобидное американское имя: Майк. С тех пор для всех, кроме семьи, я был Майком.

* * *

— Я, пожалуй, смогу тебе помочь, Майк, — сказал агент.

— Идет, — отозвался я, слегка растерявшись.

Я-то готовился скормить ему байку про резюме и предложить на выбор свои миниатюрные фотокарточки.

— Сегодня в десять вечера в Бруклине намечается прослушивание. Я с удовольствием встречу тебя там на платформе метро и покажу, куда идти, — сказал он.

— Что за роль? Какое еще прослушивание? Почему в Бруклине? — Я тут же забросал его вопросами.

Мной руководил отчасти азарт, но куда сильнее — подозрительность. Хотя я и был в городе новичком, но уже понимал: в Бруклине лучше знать, куда можно соваться, а куда нет, если не хочешь огрести.

— Что за роль, я точно не знаю, — ответил агент. — Если хочешь, я могу провести тебя на квартиру к режиссеру, где идут пробы.

Нужно было выбирать. Я хотел получить работу. Но если я скажу, что этот тип смахивал на пухлого вампира, высматривающего, кем бы закусить, то сильно приукрашу впечатление. Идея потащиться за ним на квартиру к неизвестному режиссеру в дебри Бруклина в мой первый официальный день в качестве актера казалась не лучшим карьерным решением. И все же это был первый агент, который уделил мне хоть каплю внимания. Казалось, это мой первый настоящий шанс. Пожалуй, стоило рискнуть и довериться.

Около десяти вечера я вышел из поезда в Бруклине на станции, название которой написал мне на бумажке агент. Я поня-

тия не имел, где, черт возьми, нахожусь. Про Бруклин я слышал, но в этих местах не бывал ни разу. С тем же успехом это могла быть чужая страна. Двери закрылись, поезд тронулся, оставив меня на станции, агент возник передо мной, как злодей из фильма ужасов... и мы двинули к этому загадочному режиссеру.

Улицы были безлюдными. Разговор — скучным. Мы прошли несколько кварталов и остановились перед старым кирпичным домом без лифта. Наконец агент подал голос.

— Ну вот мы и на месте, — сказал он.

— Ясно... Неказисто как-то, — протянул я, разглядывая темное здание.

— Вот мой номер, завтра звякну. Или сам позвонишь.

— А ты не идешь?

— Нет, он очень хороший режиссер и предпочитает оценивать потенциал людей один на один — с тобой все будет хорошо, — ответил он и ткнул пальцем вверх. — Квартира 3-D.

— 3-D?

— Удачи. Он правда талантлив, — это была последняя порция информации, которой одарил меня агент, перед тем как уйти.

Лестница выглядела донельзя отталкивающе. Выкрашена матовой синей краской. В коридоре третьего этажа друг за другом висели три одинокие лампочки.

Я постучал в дверь 3-D. Я не слышал приближающихся шагов, но дверь быстро распахнулась, и передо мной оказался человек, которого я назову Эдом.

— А, нашел меня? Отлично.

* * *

Ростом Эд недотягивал и до 170, да и в целом был скорее щуплый. Кучерявые волосы, почти как у африканца. Жидкая борода. Энергичный. На нем был короткий красный шелковый халат с птицами. Он уставился на меня. Я попытался быстро оглядеться, чтобы понять, куда попал. Квартирка была крошечной. Мебель — тоже миниатюрной. Темной и блестящей: черный лак. В остальном — пустота. Ни души. Странно для прослушивания, подумал я.

— Ну, как с тобой обращается Нью-Йорк? — спросил он.

— Нормально...

— Выпьешь? Холодного sake, например. Чудо как хорошо!

— Может, попозже.

— Значит, хочешь быть актером, — сказал он, наливая себе.

— Хочу...

Он не сводил с меня глаз.

— Это нелегко, — улынулся он.

— Я уже догадываюсь.

— Присаживайся, я всегда в поиске новых талантов.

Я сел. Эд направился к дивану напротив меня. В руке у него был полный бокал, шел он осторожно. Повисло не самое уютное молчание.

— Так что же делает тебя таким особенным? — сказал Эд и коротко рассмеялся.

— Да я и сам толком не знаю.

— Но ты обязан считать себя особенным. Чтобы пробиться в этом бизнесе, тебе понадобится вся уверенность, какую только сможешь наскрести.

— Ну да, я довольно уверен в себе.